

Е.Б. Смилянская

ПРОСТОЛЮДИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЗАПИСКАХ БРИТАНСКОЙ «ПОСОЛЬШИ» ДЖЕЙН КАТКАРТ (1768–1770 ГГ.)

Аннотация Статья основана на рукописных материалах из архива британского посла в России лорда Чарльза Каткарта, хранящегося в Национальной библиотеке Шотландии (прежде всего «Записках о Петербурге» 1768–1770 гг. супруги посла леди Джейн Каткарт). В дневниковых записях леди Джейн содержатся важные наблюдения, касающиеся российского двора, императрицы Екатерины II, образа жизни аристократического общества, к которому «посольша» принадлежала. Но в отличие от многих сочинений о России этого времени записи Джейн Каткарт позволяют представить, как «посольша» знакомилась и с простонародьем столицы, описывала его развлечения, фольклор, стремилась составить первые выводы об особенностях «простых русских».

Ключевые слова: Россия XVIII в., Петербург, социальные структуры России XVIII в., праздники, британский образ России.

Summary The study is based on unpublished manuscripts of the Cathcart's archive from the National Library of Scotland (above all the Memoranda of St.Petersburg, 1768–1770, by the ambassadorice Lady Jane Cathcart). In her Memoranda the British ambassador's wife observed the Russian court, her close contacts with the Empress Catherine the Great, the «lifestyle» of aristocrats of the Russian capital, but her writings also show, how the ambassadorice got to know «natives» / «common people» of the Russian capital, described their entertainment, their folk music and made her first conclusions on characteristics of Russian «lower classes».

Keywords: Russia in the Eighteenth Century, St.Petersburg, social structures of the eighteenth century Russia, Russian entertainments, British image of Russia.

Два года пребывания в этой стране в значительной степени сгладили ощущения новизны. Я теперь стараюсь уловить то, что может дать постоянное повторение одного и того же, и посредством этого в точности ухватить настоящий характер тех, среди которых мы живем.

*Джейн Каткарт, супруга британского посла в России.
26 июля 1770 г.*

3/14 августа 1768 г. в Кронштадт прибыл новоназначенный британский посол сэр Чарльз Каткарт (Cathcart) с супругой Джейн (урожд. Гамильтон), с чадами и их воспитателем Уильямом Ричардсоном, с прислугой и с большим багажом. Навстречу семейству была прислана императорская яхта и вскоре всем открылся Санкт-Петербург, где «городские набережные и мосты создают прекрасную перспективу на воде»¹. В столице Российской империи им предстояло прожить почти четыре года, а «посольше» Каткарт судьба уготовила родить здесь девятого ребенка и уйти из жизни осенью 1771 г.

Все время пребывания в России леди Джейн вела дневники, как это делала с юности; она писала в дневниках преимущественно по-французски², но в Петербурге завела еще отдельную тетрадь для записей своих впечатлений о России («относительно характеров и особенностей, которые поразили меня как иностранку и как наблюдателя»), и стала писать в ней на английском³. Очевидно, эти ее записи (Memoranda of St. Petersburg) не предназначались для публикации, делались по свежим впечатлениям от увиденного, без определенного плана и не были подвергнуты никакой ни прижизненной, ни посмертной редакции. Они сохранились в Национальной библиотеке Шотландии в семейном архиве Каткартов⁴ и только в последние годы

¹ National Library of Scotland. Acc. 12686/5 (Papers of the family of Cathcart). Memoranda of St. Petersburg. Листы нумерованы. Здесь и далее, если специально не оговорено, цитируется этот источник.

² В фонде Каткартов сохранились 24 тетради дневников леди Джейн за 1745–1771 гг. (Ibid).

³ Вероятно, привычка леди Каткарт к ведению дневников повлияла на создание и ее записок о России. О влиянии на литературу путешествий мемуарно-автобиографической прозы см., например: *Batten Ch. L. Jr. Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteenth-Century Travel Literature*. Berkeley, 1978. P. 1.

⁴ О структуре фонда Каткартов в Национальной библиотеке Шотландии и месте в нем «Memoranda of St. Petersburg» см.: <https://digital.nls.uk/catalogues/guide-to-manuscript-collections/inventories/acc12686.pdf>. Объем записок, написанных в два столбца на 28 листах мельчайшим почерком, составляет около 160 тыс. знаков. О месте этих записок в зарубежных описаниях России можно судить по: *Cross A. In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge, 2014 (об опубликованных материалах Каткартов см. p. 94–95). Высоко оценив записки Джейн Каткарт, Кросс, однако, почти их не использовал в своих исследованиях о британцах в России (*Cross A. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia*. Cambridge, 1997. P. 24, 25, 369).

стали объектом исследования⁵, перевод и издание документов из этого обширного архива, как и записок леди Каткарт о Петербурге еще предстоит завершить. Скромная цель данной статьи — показать информационный потенциал нового источника, прежде всего записей «посольши», касающихся простонародья Петербурга, представив их перевод⁶.

Записки и дневники Джейн Каткарт примечательны по ряду причин. Они создавались просвещенной начитанной дамой, ставшей заметной фигурой в петербургском высшем обществе. После официального представления императрице⁷ «посольша» Каткарт заняла второе по значению место в придворной иерархии, но помимо формального статуса она приобрела личное расположение императрицы, как и посол Чарльз Каткарт, нередко приглашалась в ближний круг Екатерины II, дважды принимала императрицу в своем доме, а ее заметки о занятиях и развлечениях петербургской аристократии точны и нередко весьма остроумны. Но высокое положение и этикетные нормы, соблюдавшиеся британской посольской четой, предопределили и ограничение возможностей для познания страны, которая, без сомнения, вызывала интерес и желание рассказать о подданных императрицы Екатерины. Каткарты в отличие от путешественников, которые по делам их российской службы, по торговым надобностям и в образовательных вояжах посещали города и веси обширной империи, не выезжали за пределы Петербурга и пригородов. Помимо дворца, домов знатнейших фамилий столицы они бывали гостями лишь в домах английской колонии (кварталы Галерной) и у представителей дипломатического корпуса. А потому, трудно было бы ожидать, что записки «посольши» могут содержать оригинальную информацию о том Петербурге, который английская леди видела либо из кареты, либо из окон особняка на Мойке, ставшего на время британской посольской резиденцией (местоположение особняка указано в депеше — TNA. SP 91/81. P. 265 a) (улицы Петербурга, не имевшие еще тротуаров, были, по словам Каткартов, опасны для пешеходов, и леди сетовала на недостаточность мест для привычных англичанке пеших прогулок). Между тем, ее записки о Петербурге стали не только сборником наблюде-

---

⁵ *Смилянская Е.Б.* Англофилия Екатерины II и «исключительное посольство» лорда Каткарта в Санкт-Петербург в 1768–1772 г. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2019. Vol. 12. P. 224–244; *Смилянская Е.Б.* Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1255–1273. Мне также известно, что записками Джейн Каткарт последние годы занимается и украинский исследователь Н.В. Волошкова.

⁶ Я благодарна доктору Юлии Лейкин за помощь и советы по переводу записок Джейн Каткарт.

⁷ Об этом см.: *Смилянская Е.Б.* Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II.

ний о дворе Екатерины II и об окружении императрицы, в сочинении появляются колоритные словесные зарисовки петербургского люда (*common people, common sort, natives*) в его будничных занятиях и праздничном неистовстве. Особую ценность этой коллекции словесных этюдов и жанровых зарисовок придает непосредственная фиксация свежих впечатлений, из чего, правда, следует и известная хаотичность помещенной в записки информации (они строились по принципу: что увидела — то и записала). Единственное, что заметки Джейн Каткарт объединяет — это хронологическая последовательность, позволяющая вслед за англичанкой постепенно приоткрывать Россию 1768–1770 гг. и изучать механизмы создания образа чужого этноса и социума⁸.

Первые словесные зарисовки простонародья Петербурга у леди Джейн исполнены интереса к внешности, пище и статусу людей двух профессий: лодочников на Неве и извозчиков, т. е. тех, кого семья посла нанимала и за кем с сочувствием могла наблюдать вблизи:

«Гребцы на воде так сгибаются при каждом движении, что почти касаются dna лодки, поэтому выглядят униженными, и больно видеть, что они не чувствуют никакого беспокойства и гребут хорошо.

Они едят черный хлеб, по виду напоминающий то, что ирландцы и шотландцы называют реат (торфяные брикеты). Их зубы превосходны по силе и белизне.

Лошади малы и всегда в работе, головы вытягивают вперед, ими превосходно управляет племя людей, именуемых извозчики (*ichvo*), которые управляют лошадьми или ездят как фореитеры. Они и все низшие классы носят бороду (за разрешение носить бороду они платят императрице рубль в год⁹)

---

⁸ Об особенностях восприятия англичанами России и населявших ее народов написано немало, и только перечисление названий работ заняло бы значительный объем. См., например, историографические обзоры и библиографию в диссертациях: *Константинова С.С.* Русские реформаторы и Россия в восприятии британских авторов второй половины XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; *Гулякова И.В.* Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2009.

⁹ 16 января 1705 г. был издан именной указ Петра I, который предполагал обязательное бранобритие для всех категорий городского населения Московского государства, но желавшим сохранить свою бороду предлагалось заплатить годовую пошлину, размер которой разнился в зависимости от социального статуса бородача. Извозчики и ямщики относились ко третьей категории и должны были платить 30 рублей в год (ПСЗ–I. Т. 4. № 2015). Ответственным учреждением за сбор бородовых денег являлся Приказ земских дел. 6 апреля 1722 г. Петр I именовым указом подтвердил прежний указ о взыскании с бородачей годовой пошлины, но теперь речь шла о единой ставке в 50 рублей для всех категорий (Там же. Т. 6. № 4034). В 1724 г. был создана Раскольническая контора — специальная канцелярия при Сенате для сбора податей и пошлин с «раскольников» и «бородачей» (Там же. Т. 7. № 4596; *Олевская В.В.* Раскольническая контора // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М.,

и коричневый сюртук (surtout) — закрытое пальто, по форме со спины как женское платье с чем-то типа золотого шнура или кружева (lace), и цветной красный или полосатый пояс вокруг талии. Упряжь у всех извозчиков (ichvochek) или на нанятых лошадях украшена латунными пластинками с изображениями разных животных и очень красива... Они носят с молниеносной скоростью по улицам; многие из улиц широкие, хорошо мощеные (без тротуаров) и все пересекаются под прямым углом».

По-видимому, и в дальнейшем, извозчики были из тех редких русских простолудинов, с которыми англичанка могла сталкиваться в доме¹⁰. Извозчиков леди Джейн отделяет от иных простолудинов («мужиков»), и сообщает в 1769 г. об их визитах в дом и «обмене» пасхальными подношениями: «Мы этим утром были осаждены целой толпой русских извозчиков и му-

---

2001. Кн. 4. С. 17–18). Петровский указ 1722 г. о взыскании с бородачей годовой пошлины в 50 рублей впоследствии подтверждался указами от 27 ноября 1728 г. (ПСЗ–I. Т. 8. № 5349), от 19 февраля 1743 г. и 2 декабря 1752 г. (Там же. Т. 11. № 8707). Однако бородовой сбор никогда не составлял сколько-либо существенную статью дохода, о чем свидетельствуют финансовые отчеты Приказа земских дел 1705–1708 гг., а также документы Раскольнической конторы. Так, по одной справке, составленной в Раскольнической конторе в 1754 г., по состоянию на 1726 г. во всей империи числилось 57 плативших годовую пошлину бородачей, из которых к 1754 г. осталось лишь двое (остальные умерли, бежали, были сосланы на каторгу за неуплату или обрили бороды) (подробнее см.: *Akelev E. Is It Possible to Make Money from Beards? The Beard Tax and Russian State Economics at the Beginning of the Eighteenth-Century // Cahiers du Monde Russe. 2020. Vol. 61. № 1–2. P. 81–104*). 14 декабря 1762 г. в указе Екатерины II о вызове «раскольников» из Польши и других заграничных мест содержится следующий пункт: «как в бритье бороды, так и в ношении указанного платья, никакого принуждения им чинено не будет, но оно употребляют по их обыкновению беспрепятственно» (ПСЗ–I. Т. 16. № 11725). Е.В. Акельев и Е.Н. Трефилов предположили, что бородовой сбор окончательно прекратил свое существование с упразднением Раскольнической конторы указом от 15 декабря 1763 г. (Там же. № 11989; см.: *Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 173*). Откуда леди Джейн могла почерпнуть сведения о рублевом бородовом сборе не совсем ясно. Возможно, ей приходилось читать Джона Перри, который писал: «Царь, желая преобразовать этот глупый обычай и привести их к тому, чтобы они с виду походили на прочих европейцев, повелел обложить податью всех дворян, купцов и других подданных своих (за исключением священников и простых крестьян или рабов), чтобы каждый из них за право носить бороду платил ежегодно 100 рублей; также и простолудины в России обязаны были платить по одной копейке каждый раз, когда проходили через ворота такого города, где приставлено было лицо для сбора пошлины» (*Perry John. The State of Russia. London, 1716; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // ЧОИДР. М., 1871. № 1. С. 126*). Можно предположить, что у леди Джейн смешались цифры 100 коп. = 1 руб. и 100 руб. (бородой сбор по Джону Перри). Выражаю благодарность Е.В. Акельеву за этот комментарий.

¹⁰ Вместе с семьей посла прибыла из Британии и прислуга. Не в последнюю очередь это связано с тем, что иностранные дипломаты в России превосходно осознавали, что за ними установлена постоянная слежка, а потому и ограничивали доступ в резиденцию новых лиц.

жичков (ichvochecks and muschecheks), 14 или 15 из них пришли с крашеными яйцами и обычными русскими поздравлениями с праздником, за что на всех получили в подарок 10 рублей».

Из представителей других ремесленных профессий Санкт-Петербурга внимание и одобрение англичанки заслужили плотники, впрочем, искусное владение топором казалось леди Каткарт чуть не универсальным признаком «русскости»:

«Я не должна упустить достойную одобрения вещь, касающуюся людей из нижних классов этой страны. Все они поголовно плотники, и только со своим излюбленным инструментом — топором, без помощи гвоздей, шурупов или любого железа сами могут построить дом из нескольких комнат самой точной и хитрой конструкции, при их простоте им нужно очень мало мебели; та одежда, что они носят днем, служит им ночью для сна или они ею накрываются, лежа, как некоторые всегда делают, на печи (the peach or the stove), которая наверху плоская, как большой сундук».

«Деревянные дома очень милы. Я верю, что их можно сделать с одним топором — любимым и раньше единственным инструментом русских, до сих пор они ходят по улицам с топором за поясом. Они могут закончить пустой дом без гвоздя, очень изобретательно вставляя все деревянные бревна одно в другое, многие другие деревянные вещи также необыкновенно хорошо придуманы».

Леди Джейн еще не раз напишет о плотниках и искусстве строительства из дерева, но со временем удивление мастеровыми людьми у «посольши» начинает меняться: все больше ее глаз замечает несовершенства в производстве, особенно незавершенность начатого или небрежность в исполнении. В сентябре 1769 г. она записывает: «Я не могу сказать, присмотревшись, что моя оценка этих бедных людей поднялась, напротив, они ничего не делают ради усовершенствования». А еще через год посетует: «Я должна признать, хотя всегда избегала сатирических высказываний, так и должна продолжать, но в этот второй год [пребывания в России] знакомство и узнавание реальных характеров и действительности углубило, но не добавило мне уважения и одобрения». Поводов для разочарования англичанка находила все больше: это бывали и дурно мощеные улицы Петербурга, и отсталость в промышленном производстве, и вороватость торговцев, и пьянство, и проч.:

«Улицы мостят заново ежегодно, а некоторые площади и чаще, мостят усилиями жителей каждого дома, но они делают это и любую другую работу так небрежно (superficially), что результат недолговечен, и в конце концов оказывается очень дорогим...

Ни кустарь, ни рабочий ничего не делает здесь без одного или нескольких помощников. К этому хорошо подходит сказанное в насмешку в одном собрании бездельников: “Что ты делаешь?” — спросил работник. Ответ: “Ничего”. “А ты?” — обратились к его сотоварищу: “Я ему помогаю”.

Короче говоря, всю торговлю ведут иностранцы. Работа местных отличается отсталостью (*behind hand*), все по-старинке, то, что со времени Петра Великого они используют из новых изобретений, вначале кажется довольно хорошим, но из-за нужды в прочных материалах и в добром окончании все рассыпается и рушится. На это они никогда не обращают внимания и, ничего иного не представляя, начинают все с начала, как на улицах, которые всегда находятся в состоянии ремонта. И это стоит для всех жителей значительно больше, чем, если бы они сразу сработали крепко и прочно».

Самые яркие зарисовки, как и в большинстве сочинений иностранцев, касаются праздничной культуры городского простонародья¹¹. Английская леди с зимы 1768/69 гг. наблюдала и записывала свои впечатления о главных календарных развлечениях петербургского люда: катаниях на ледяных горках на Неве, сопровождавшихся особенным неистовством на Масляницу, о пасхальных гуляниях и традиционном праздновании весны (1 мая) и Троицы в Екатерингофе.

Объем настоящей публикации не позволяет поместить здесь полное и весьма пространное описание ледяных гор, о которых, впрочем, немало писали оказавшиеся в зимнем Петербурге иностранцы и в XVIII, и в XIX вв.¹² Но о завершении масляничных катаний на Неве английская леди, как и другие ее соотечественники с опаской взиравшая в стороне, приводит и малоизвестные сведения, в частности, о прибыльности для полиции и для подрядчиков этих популярных развлечений:

«Простой люд развлекался, и эти три дня катался с ледяных горок с таким рвением, что у них едва хватало времени, чтобы дать спуститься с горки тому, кто катился впереди, и слишком быстро следуя за ним, они сбивали друг друга; было много примеров тому, что многие погибали на месте и еще чаще ломали конечности. Многие катились вниз, другие стояли в их маленьких лотках, короче говоря, они показывали такие выступления, как искусные танцоры на канате, но в целом принимали участие в этом развлечении с большой легкостью... Чтобы вернуться к рассказу о занятиях эти дней, которые, как

---

¹¹ О подобных описаниях праздников в сочинениях иностранцев см., например: *Burgess M. Fairs and Entertainers in 18th-Century Russia // The Slavonic and East European Review. 1959. Vol. 38. № 90. P. 95–113.* Из новейших работ: *Конечный А.* Былой Петербург. Проза будней и поэзия праздника. М., 2021. С. 58–115.

¹² *Конечный А.* Былой Петербург... С. 62–64.

мне сказали, должны закончиться в 12 часов [с наступлением поста], я слышала, что три человека лишились жизни вчера при несчастном случае на этих ледяных горках, а также, что число тех, кто с них спускался, достигало 200 человек за каждые пять минут, и что прибыль для тех, за счет кого сооружались горки, в течении многих часов достигает по 150 рублей в час, хотя сколько-то из этого должно выплачиваться полиции за право соорудить на льду деревянные подмости. Цена, которую выплачивают мужику (*musheesk*) и прочим те, кто катается, составляет в общей сложности 2 копейки... Этим вечером на реке проходили также скачки. Все пригороды подражают центральной части города и там есть свои ледяные горки в разных местах и везде великие толпы людей. В этот прекрасный день на реке зрелище всех этих увеселений представляло более живую и занятную картину».

Если с началом Великого поста «зрелища» и «увеселения» в столице прекращались, то пасхальные гуляния вновь оживляли город и притягивали внимание английской леди:

«Пасха, воскресенье 19 апреля 1769 г. Возвращаясь домой по одному из главных проспектов города, [мы наблюдали, что он] весь наводнен просто-народьем в праздничных дневных одеждах, люди качались в деревянных *machines*, сооруженных по всей длине улицы. Перед ними — палатки, в которых они веселились на каруселях (*escarpolettes*) до головокружения, голова кружится только от вида деревянных конструкций, на которых подвешены кабины (*sedan chairs*) по шесть на каждой машине, они поворачиваются на опорном штыре и в каждой кабинке сидят по одному, по два или по три человека¹³.

Несколько человек тянут за веревку и под действием механизма, я не знаю, как описать, они поворачиваются вокруг, но не переворачиваются вниз головой, кажется, они наслаждаются на них [каруселях] так же, как на ледяных горках, а для меня это выглядело как значительно более занимательная картина. Забавной казалась важность мужчин с их бородами и в высоких шапках, сидящих на открытых сидениях или в кабинках, так как там были и то, и другое, и было больше мужчин, чем женщин, занятно и то, как некоторые качались на веревках, другие на деревянных лошадках (*wooden hobbyhorses*) связанных веревками и сильно шатающихся, один человек скачет и другой стоит позади на крупе лошади.

Все женщины, что ходят по улицам, носят туфли без задников (*slippers*), и нужно обладать большим мастерством, чтобы они не сваливались, например, в внешнюю оттепель, которая делает улицы едва проходимыми [даже] для карет. Что до тротуаров, то таковых, помимо одного-двух мест, трудно сыскать в Петербурге...

---

¹³ Там же. С. 70 (иллюстрации).

Улицы ежедневно теперь и до конца недели наводнены гуляющими людьми разного сорта, карусели с лошадками и вертящимися кабинками заполнены, и немало зевак окружает их круглые сутки. Вначале я думала, что не смогу на них наглядеться, но через два-три дня их вид уже вызывал дурноту: после первого мимолетного взгляда так много пьяных женщин и мужчин всех возрастов, кричаще ярко и по-дурацки одетых, показались уже не занимательными, а отвратительными. У большинства простых женщин их обувь (slippers) и шапки отделаны блестками, также и нижние юбки у них отделаны золотом и серебром, когда они могут это себе позволить, в особенности на шубах и плащах разных фасонов отделка всех цветов, кроме черного, который используется исключительно редко, и что касается тех, кто держит траур, то их, должно быть, меньше, чем у нас, так как я едва могла увидеть дворянина, носящего траур. Хотя говорят, что они строго соблюдают траур, когда умирает близкий родственник, я предполагаю, что их очень немного и они живут до преклонного возраста».

По прошествии года свои впечатления от пасхального Петербурга Джейн Каткарт излагала уже куда более сдержанно:

«12/23 апреля 1770. Простой народ воспользовался прекрасной погодой всю пасхальную неделю, улицы и качели всегда были наводнены людьми, поначалу это веселит глаз, но неделя таких [гуляний] кажется ужасно утомительной. Все дело в быстром верчении и подъеме, что восхищает здешний народ круглый год, и у женщин повсюду весьма вызывающие одежды и крашенные лица».

Когда подошло время екатерингофских гуляний, англичанка впервые задается вопросом о происхождении наблюдаемых ею «действ». Она подмечает, что в троицком обряде участвуют «молодые женщины», что некую роль играет «дерево», позднее опускаемое в реку¹⁴, но справедливо предположив в этом обряде связь с «древними обычаями», англичанка сочла их входящими из современной ей жизни и обращаться к славянским древностям не сочла для себя возможным:

«4 июня 1769 г. Весь двор отправился в Катерингоф так же, как и 1 мая. Был четверг перед Троицей, когда весь двор и город будут здесь вновь. Процессия из различных групп молодых женщин носит дерево, которое после исполнения различных обрядов бросают в воду. И считается, что начинается

---

¹⁴ Троицкие обрядовые действия хорошо описаны литературе. Об их символике см.: *Аганкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 610–612.

лето, как 1 мая почитается началом весны. Это древний русских обычай, который, как многие другие, понемногу забывается (дословно: изнашивается — *wearing away*), но в духе народа использовать любой из вообразимых поводов, чтобы организовать представление и праздник.

NB. У тех, кто носит шапки или туфли, или нижние юбки и прочее, украшенные мишурой, а также стеклянные серьги, лица раскрашены, и у каждого в руке веер, без которого не появляются в праздники».

Запискам посольши Каткарт мы обязаны описанием еще одного вида развлечений петербургского простонародья, о котором ранее почти не писали. Речь идет о соревнованиях в удали петербургских жителей, которые англичанка с ужасом наблюдала осенью, когда на Неве устанавливался непрочный лед, и весной перед ледоходом; в эти периоды временно прерывалось сообщение с Васильевским островом. Перебегание через Неву по льдинам или тонкому льду — трижды удостоилось внимания Джейн Каткарт не только в качестве мерила безрассудности и отсутствия у простонародья страха смерти¹⁵, но и для того, чтобы подчеркнуть предпринимаемые императрицей меры по «цивилизации» дикостей простонародья. Вот первое из ее описаний:

1768 г. «Когда река начинает замерзать и то же после оттепели, они столь стремятся пересечь ее, что правительство вынуждено на каждом берегу поставить часовых, и те иногда столь строги в исполнении приказов, что, когда запрещено переходить и кто-то добрался на другую сторону благополучно, часовой там заставляет его вернуться, или они пропадают до того, как доберутся туда, откуда пришли. Без часовых только наблюдение за происходящим не отвратило бы остальных от следования этому примеру. Вероятно, они говорят: удача будет на нашей стороне и, если умрем, то это наша судьба, которой мы не можем противиться. Вот они и идут, и каждый год это повторяется снова и снова».

Год за годом английская аристократка Джейн Каткарт не только наблюдает за городом и его обитателями, но и вслушивается в русскую речь¹⁶ и, особенно, в музыкальные звуки и пение, постоянно звучавшие во время празднеств и в период белых ночей. Лето семья посла по протекции графа Н.И. Панина проводила на Каменном острове в недавно подаренных наследнику Павлу бывших покоях канцлера Бестужева. И именно к летнему времени 1769 и 1770 гг. относятся заметки «посольши» о музыкальности простолюдинов («of the common sort»):

¹⁵ Ср. у баронессы де Бодэ (*The Baroness de Bode 1775-1803*. By William S. Child-Permberton. L., 1900. P. 203).

¹⁶ Джейн Каткарт сама брала уроки русского (*Cross A*. By the banks of the Neva. P. 393).

«Примечательны способности простолюдинов петь хором или на воде или ночью, когда они возвращаются с работ, или в любой из их праздников, игр или гуляний. Часто шествуя процессиями, они иногда с выражением поют грустную сбивчивую мелодию (a melancholy confused tune), только в ней нет радости и развлечения, а только и постоянное изменение в темпе, по каденции (ритму, тону) это никогда ни смех, ни плачь, но пение скорее грустное, чем веселое, очевидно, оно успокаивает, и им это приятно; национальные танцы производят такое же печальное впечатление или даже более тяжелое, это то, как можно вообразить забаву, когда тигр и тигрица, один набрасывается, а другой отбивается, страшно довольные друг другом. И подобный танец сопровождаются одной из выше описанных мелодий.

Что более всего меня поразило в характере жителей этой части мира, это то, что они всегда поют, они поют in parts¹⁷ и почти во время всех работ или занятий, когда по меньшей мере двое оказываются вместе: когда поют, кто-то может предположить, что они веселятся, но только тот, кто никогда не слышал, как русские поют. То, что они называют пением, напоминает что-то вроде рыданий (a sort of howling) и исполняется с самым серьезным выражением лица. Для тех, кто не знает их языка, все песни кажутся одинаковыми, но чуть больше прислушаешься, если и найдешь различия, то всегда меланхолию и грубость, не меньшую, чем в сопровождении ансамбля роговых инструментов, которые они очень любят в качестве аккомпанемента. Когда они на веслах, на сенокосе или на другой работе, или когда праздник собирает мужчин и женщин вместе, они никогда не устают от своей любимой музыки».

«26 июля 1770 г. К примеру, год за годом, во всех праздниках они любят пение чего-то типа баллад, весьма для них необычных, которые, как и их танцы кажутся иностранцам унылыми, но на них они навевают покой и развлекают¹⁸. У них трубы и дудки очень простой конструкции, именно они часто сопровождают их голоса, особенно на воде в сильную жару».

С самого начала своих наблюдений за жизнью обитателей столицы Российской империи в конце первого десятилетия правления Екатерины II Джейн Каткерт, записывая подмеченные ею сценки, детали быта и поведения окружавших ее горожан, не оставляет и стремления обобщить увиденное, или, по ее словам, «в точности ухватить настоящий характер тех, среди которых мы живем». Эти обобщения меняются по мере привыкания

---

¹⁷ Возможно два варианта перевода: либо «они поют, где придется», либо «они поют, переключаясь, партиями».

¹⁸ Через несколько лет это же впечатление сложится у Уильяма Кокса (Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии: Пер. с фр. М., 1837. С. 47–49).

к стране, с накоплением усталости от чужой среды, и, вероятно, с болезнью самой «посольши», которая с 1770 г. все реже бралась за перо.

Первую попытку обобщить свои впечатления о простонародье, сопоставив личные наблюдения с собранной обрывочной информацией о пище, одежде, неперенных банях¹⁹, пьянстве и проявлениях религиозных чувств, леди Джейн сделала, не пробыв и четырех месяцев в России:

«29 ноября [1768]. Я увидела столько всего к этому времени, что первые впечатления стерлись. Я привыкла ко всему новому, о чем должна была записать с самого начала и сразу, и к тому, что составляет сердцевину воспоминаний. Местные жители (natives), те, что не умирают в детстве, тверды, как железо, способны противостоять голоду и холоду, плохой пище и одежде (хотя, чтобы существовать зимой, абсолютно необходимы шерсть или мех, закрывающие их тела, ноги и стопы). Они здоровы и деятельны, не красивы ни формами, ни конечностями, ни лицом, но были бы таковыми, по всей видимости, если бы не были подвержены суровым климатическим условиям, не были бы испорчены плохой пищей и не слишком бы много парились в горячих паровых банях, которые все они посещают и которые некоторым образом защищают их, иначе бы их уничтожили паразиты и грязь всех сортов. Они хлещут себя в банях березовыми ветками, и это дает им ощущение, будто это щетка для тела. Этим обычаем они наслаждаются. Мужчины и женщины выбегают из этих бань, как я понимаю [со слов тех.] кто видел их²⁰, без одежды, разгоряченные, как раки, и бросаются в реку или в бассейн с холодной водой; они считают, что так нужно поступать еженедельно или чаще.

Они едят мало мяса, имеют суровые посты большую часть года. Едят различные блюда из овса, ржи или других грубых зерен, мне кажется, что в их пищу входит мало пшеницы, но немереное количество чеснока, который делает их непереносимыми соседями для тех, кто не выносит этот овощ. Женщины, как и мужчины, любят выпивать, говорят, что они как нация очень преданы пьянству, когда могут найти деньги. Они также самые умелые воры в мире, когда им подворачивается возможность присвоить что-либо, попавшее на пути.

Больше всего их религия, кажется, состоит из того, что они крестятся, очень низко кланяются и повторяют некие благочестивые восклицания каждый раз, проходя мимо церкви или образа святого, или других такого рода изображений, резных фигур и проч. У них есть изображение или картина

---

¹⁹ Об интересе иностранцев к русским баням см.: *Cross A. The Russian Banya in the Descriptions of Foreign Travelers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1991. Vol. 24. P. 34–59.*

²⁰ Когда через шесть лет «публичные бани» Петербурга увидел Натаниель Рэкселл, они вызвали у него «отвращение» и «любопытство» (Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770–х годов / Сост. А.Н. Спащанский. СПб., 2013. С. 133–135).

Спасителя, Богородицы с младенцем или некоторых их святых, которых множество во всех их домах...

Они очень верят в предзнаменования. Смерть, кажется, вызывает у них большее безразличие, чем я где-либо видела, возможно, потому (говорю о бедных), что в их жизни так мало радости и разнообразия, она — лишь постоянное существование и ничего боле».

Наступление зимы и морозы дали англичанке новую пищу для размышлений о бедном человеке, его выносливости и о «железном характере» русских:

«7 ноября ст.ст. [1770 г.] Зима установилась, порой она сурова, но приятна... У всех на улицах лица выражали удовлетворение, как будто холод для них естественное состояние, и они вовсе не стремятся поспешить с мороза домой, но в своих тулупах, когда с их бород и волос свисают сосульки, совершенно довольны прохаживаться или спокойно стоять в сапогах (boots), в варежках²¹ и в меховые шапках, не обращая внимания на сильный мороз».

«Я продолжаю в воскресенье 25 января/6 февраля [1769 г.]. Много человек умерли на улицах и на реке, восемь бедных рабочих, пришедших с пропуском для работы, до смерти замерзли, немного не добравшись до Петербурга, единственное обстоятельство, которое отличает одного молодого человека, найденного мертвым на мосту неподалеку от нашего дома, это то, что у него во рту был кусок пирога (это вид хлеба, что они продают на улице), когда его до смерти схватил мороз... можно предположить, что он выпил спиртного напитка, что и привело к тому, что он замерз в таком необыкновенном виде».

«...около дворца... разрешается разжигать костры, чтобы не дать извозчикам замерзнуть. И они, и их лошади продолжают оставаться на улицах, пока их наниматели отсутствуют, что кажется очень жестоким, но они в целом отлично это переносят, слуги спят на ступеньках, завернувшись в их овчины и поразительно мало отличаются от грубых созданий: собака, к примеру, так же следует за хозяином и ее можно обучить достигать нескольких разных целей».

Далее в той же записи, датированной январем 1769 г., от замечаний, как «усталые лакеи на шубах у подъезда спят» (А.С. Пушкин), Джейн Каткарт впервые обращается к теме русского крепостничества, или скорее того, что она о нем слышала (к сожалению, источников ее информации для подобных заключений мы не знаем²²):

²¹ Дословно: «в перчатках без разделения пальцев».

²² Возможно, с миледи делился информацией У. Ричардсон. Его взгляд на положение крепостного крестьянства в России см.: *Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St. Petersburg. L., 1784. P. 192–200.*

«Крепостные (serfs), и мужчины, и женщины, во всех семьях русских дворян рождаются и растут как их рабы, и живут, и умирают и оставляют своих детей, если имеют их, в том же положении. Между собой они считают количество душ, или крестьян, как количество денег: так, много тысяч душ и много тысяч рублей являются понятиями равнозначными. Они дают им либо торговать, либо образование, пригодное для имеющихся целей или различных надобностей. Но владельцы связаны и с неудобством, ибо, если крепостные окажутся праздными, никчемными, вороватыми, пьяницами, они не могут с ними расстаться. Они, хорошо это или плохо, но им принадлежат, и все оказываются в одинаковом положении, а это делает необходимым устанавливать строгую дисциплину для этих бедных, подневольных, необученных созданий, которых содержат в трепете более или менее жестокими побоями, и, если в конечном итоге они не уступают, то у владельцев остается единственная возможность избавиться от них, записав в матросы или солдаты».

Свои этнографические и социальные наблюдения о «русских» Джейн Каткерт продолжит с наступлением Великого поста. После масляничного неистовства она замечает изменение в нравах «русских», правда, несколько опрометчиво относя ритуальные формы поведения в Прощеное воскресенье к привычным «добронравию» и «вежливости» столичных жителей:

«Для нас, иностранцев, оказалось, что русские по отношению к иноземцам и между собой — очень мягкий, веселый и добронравный народ. Я снова должна отметить, что поражают их любезность, хорошие манеры и вежливость друг к другу, это каждый видит ежедневно, когда они проходят по улицам. Приятно посмотреть из экипажей на улицах, проспектах и базарах, заполненных, в это время (завершение Масленицы. — *Е.С.*) людьми, как никогда, на этих бедняг, как они, снимая свои шляпы или, скорее, меховые шапки, низко кланяясь, пожимая руки и обнимая друг друга, выражают самые добрые пожелания, какие позволяет русский язык»²³.

Впрочем, и во время Великого поста «необычное» добропорядочное поведение простонародья англичанка принимает не только за благочестие, но и за «любезность»:

«На улицах среди простых людей я вижу значительные признаки необычной для них любезности, и, действительно, весьма примечательны их величайшее добродушие и добронравие друг к другу».

---

²³ О том же: *Кокс У.* Путевые записки. С. 43.

В Великий пост 1769 г. леди Джейн Каткарт делится общими наблюдениями относительно особенностей «русских», и ритуальные ограничения этого периода церковного года дают ей повод обратиться к описанию пищевых запретов и предпочтений, а также вновь писать о «грубости» и «простоте» повседневной жизни простолюдинов.

«St. Petersburg 7 марта 1769. В эту первую неделю поста у русских особенно строго с пищей, они не едят ничего животного происхождения или имеющее даже самое отдаленное отношение к животному — молоко, масло, яйца, никаких сортов рыбы, короча, бедняки все живут на своем черном хлебе и соли, приправленных луком и особенно чесноком, воде, и, если добавляют что-то еще, то только кашу из грубого зерна».

Далее она повторяет свои замечания о том, как русские согреваются, лежа на горячих печах, о том, что «ужасно воняют благодаря чесноку, которым они в основном питаются», о банях и купаниях в ледяной воде и продолжает об одежде простолюдинов:

«Работники идут по улицам, руки за поясом или за разноцветным кушаком, которые носит весь простой люд. меховая шапка с ушами зимой, а когда сходят морозы — высокая шапка, как у грубых мужиков. Все содержат свои ноги в тепле, зимой надевают сапоги (boots) и все время, что я здесь с августа, я замечаю, что их ноги обернуты в несколько слоев грубой льняной или шерстяной материи, так что невозможно увидеть их настоящего размера».

Размышления англичанки о религиозных чувствах русских в целом продолжают традицию западно-христианской россии, в которой обычно порицаются «внешние» проявления благочестия православных. Поклонение изображениям святых, горящие лампы вызывают у Джейн Каткарт «меланхолию», и она, как и многие ее предшественники, винит «бедные создания» Петербурга в «непонимании» ими основ христианского учения:

«У них, как кажется, нет иного понимания [религии], чем простосердечно поклоняться какому-то невидимому существу, которое, как они думают, видит их и учтет это должным образом. Некоторые из них от невзгод кончают свою жизнь, обычно бросаясь в воду, что хорошо известно, но это мало замечают. Их держат в страхе перед полицией. И многие молодые извозчики и мужики (ischvoschiks and mushicks) скажут, что они никого, кроме полиции, больше не боятся. Вся их религия состоит из постов, очень коротких восклицаний, когда они осеняют себя крестом, низких поклонов, слушания церковных служб, которые они не понимают, а также они пребывают в большом почтении к их

священнослужителям и попам etc. В высшем обществе (those in high life), вероятно, этого меньше [т. е. простоты религиозного чувства], но взамен они ничего лучшего не находят, а от того должно происходить и ослабление моральных обязанностей».

Последние заметки в тетради «Memoranda», обобщающие наблюдения англичанки за русскими, относятся к июлю 1770 г. В них она еще менее расположена хвалить и восхищаться простонародьем Петербурга, чем это было даже годом ранее. Но, стремясь оставаться нейтральным наблюдателем, Джейн Каткарт так и не решила, как отнестись к народу, который с самого начала так ее интересовал, а потому до конца своих записок она так и не смогла избавиться от противоречий в оценках и суждениях о русских:

«Русские чрезвычайно жаждут использовать их погоду для занятий, так как [хорошая] погода длится так недолго. Зимой люди разных чинов, кажется, почитают свои развлечения во многом за занятия делом. Короче говоря, они представляются мне самыми беспутными (dissipated) людьми, каких я когда-либо видела, и они не склонны исправляться, так как позволяют иностранцам делать все для себя во всех видах ремесел, промышленности и любого вида предпринимательства не потому, что нуждаются в способностях, так как способностей у них вполне достаточно и в быстроте и в исполнении, но в них совсем нет упорства, и изменить что-то приносит им удовольствие.

Низшие классы из-за их рабского состояния хуже всех, тем не менее, обладают в целом многими хорошими качествами, за исключением тех, а их довольно много и среди женщин, и среди мужчин, кто придается пьянству. Они замечательно добры и весьма любезны друг с другом, величайше преданы и покорны своим господам и тем, кому они принадлежат. За маловажные дела они спрашивают в три-четыре раза больше суммы, на которую согласятся. Один господин, к примеру, спросил у двух человек, сколько они хотят за расчистку заросшего лесом участка земли, один [сказал], что не возьмется за это меньше, чем за 300 рублей, другой долго стоял на 35 рублях, и наконец согласился на 20 рублей. Аршин шелка и т.п. покупается в каждой лавке на рынке... но цена в одной лавке весьма отличается от другой. И они непрерывно, как по прихоти, нахваливают товар, и чтобы подорвать торговлю соседа, когда видят, что покупатель может предпочесть другую лавку, спускают свои товары за цену значительно более низкую, чем та, которой вначале крепко держались».

Этими записями тетрадь посольши Джейн Каткарт «Memoranda of St. Petersburg» по сути и завершается. За ними следует только краткое примечание от ноября 1770 г.: «Первый снег в этом году, почитается, что выпал

замечательно поздно и что подобного и близко не бывало уже двадцать восемь лет».

* * *

Читатель записок Джейн Каткарт может во многом упрекнуть английскую даму в том, что она не пожелала или не успела многое описать из реалий современного ей Петербурга. Действительно, она «не заметила» многообразия этнических типов и конфессиональных культур города, казалось бы, она не смогла или не захотела обратить внимание на неправославных подданных императрицы, на различия в облике и быте недворянских сословно-статусных групп столичных обитателей. Знала ли она описания России, изданные ее предшественниками, знакома ли была с уже существовавшими опытами изображения городских жителей Российской империи А. Дальштейна, Христиана Рота (последний как раз в 1770-е гг. работал над серией гравюр с «костюмными изображениями» для сборников «Открываемой России»²⁴)? К сожалению, из имеющихся источников трудно об этом судить²⁵. Очевидно, что и записки Джейн Каткарт едва ли могли найти отклик у читателей и повлиять на будущие описания России. Предположительно, лишь Уильям Ричардсон, живший с семьей Каткартов в Петербурге, мог быть свидетелем или участником разговоров о том, что миледи записывала в свою тетрадь²⁶. Хотя приводимые ею сведения находят параллели в сочинениях второй половины XVIII в. (в 1770-е гг. — у Уильяма Кокса и Натаниэлла Рэкселла), нет никаких оснований считать, что кто-то из английских авторов имел возможность познакомиться с заметками Каткарт о России. Очевидно, что в своем стремлении понять и описать простонародье екатерининской России леди Каткарт была одной из первых, и тем примечательней, что только спустя 250 лет образ Петербурга 1768–1770 гг., созданный английской посольшей, все-таки находит своего читателя.

Литература

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

---

²⁴ Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 42–63.

²⁵ Джейн Каткарт в своей тетради ограничилась лишь небольшими выписками из только что опубликованного в 1768 г. «Путешествия в Сибирь» Шапп д'Отроша, которое она «бегло посмотрела», но по поводу которого, по ее замечанию, «много говорили в английской колонии Петербурга и были весьма рассержены на это сочинение».

²⁶ Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. Частично сочинение Ричардсона переведено на русский: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов... С. 17–102.

- Акельев Е.В., Трефилов Е.Н.* Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 153–173.
- Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
- Гулякова И.В.* Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2009.
- Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов / Сост. А.Н. Спащанский. СПб., 2013.
- [*Кокс Уильям*]. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии / Пер. с франц. М., 1837.
- Конечный А.* Былой Петербург. Проза будней и поэзия праздника. М., 2021.
- Константинова С.С.* Русские реформаторы и Россия в восприятии британских авторов второй половины XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.
- Олевская В.В.* Раскольническая контора // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 4. С. 17–18.
- Смилянская Е.Б.* Англофилия Екатерины II и «исключительное посольство» лорда Каткарта в Санкт-Петербург в 1768–1772 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2019. Vol. 12. P. 224–244.
- Смилянская Е.Б.* Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1255–1273.
- Akelev E.* Is It Possible to Make Money from Beards? The Beard Tax and Russian State Economics at the Beginning of the Eighteenth-Century // *Cahiers du Monde Russe*. 2020. Vol. 61. № 1/2. P. 81–104.
- Batten Ch. L. Jr.* Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteenth-Century Travel Literature. Berkeley, 1978.
- Burgess M.* Fairs and Entertainers in 18th Century Russia // *The Slavonic and East European Review*. 1959. Vol. 38. № 90. P. 95–113.
- Cross A.* By the Banks of the Neva. Chapters From the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997.
- Cross A.* In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge, 2014.
- Cross A.* The Russian Banya in the Descriptions of Foreign Travelers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // *Oxford Slavonic Papers. New Series*. 1991. Vol. 24. P. 34–59.
- Perry J.* The State of Russia. L., 1716.
- Richardson W.* Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St. Petersburg. L., 1784.
- The Baroness de Bode 1775–1803. By William S. Childe-Permberton. L., 1900.